

te
te
x
k
f
c
T

מאיר שלו
רומן רוסי

Меир Шалев
Русский роман

Роман

*Перевод с иврита
Рафаила Нудельмана
и Аллы Фурман*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2022

УДК 821.41
ББК 84(5Изр)
Ш18

ISBN 978-5-7516-1689-2

Copyright © 1988 by Meir Shalev
The edition is published by arrangement with The Deborah Harris
Agency and Synopsis Literary Agency

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2022

К РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

«Русский роман» — первая «взрослая» книга самого популярного израильского писателя Меира Шалева. Она написана еще в 1985 году, но такова уж судьба — она пришла к русскому читателю едва ли не последней по счету, после уже переведенных «Эсава» (1991), «Нескольких дней» (1994) и «В доме своем в пустыне» (1998). Немудрено. Это, вероятно, самый сложный и многоплановый роман Шалева и самый трудный для восприятия не израильского читателя. Эта книга рассказывает в основном о Палестине начала XX века, так что события, в ней описанные, отделены от такого читателя не только географией, но и историей, не только пространством, но и временем. Но еще большую сложность представляет то, что и описанные в ней люди знакомы русскому читателю в лучшем случае понаслышке. Сага трех поколений, а именно такой сагой является «Русский роман», начинается с истории группы молодых евреев, покинувших Россию незадолго до Первой мировой войны, чтобы отправиться в Палестину возродить свою историческую родину и себя самих, свой народ, — и тут-то начинаются сложности.

Вообразите себе прощание на вокзале: вы расстаетесь с молодыми людьми, которые навсегда уезжают на Чукотку. Безумие, конечно, но им вздумалось поднять этот необжитый, дикий, суровый край. Третий звонок, поезд трогается, еще видны в окнах юные веселые ли-

ца — и для вас опускается занавес. Он опускается надолго: война, революция, беспощадные тридцатые, еще одна война — «сороковые роковые», холодная война... Вы уж и думать забыли о чудаках, пропавших где-то в ледяной дали, разве что старикам порой вспомнится: «А как там эти... на своей Чукотке? Хе-хе-хе...»

Потом занавес поднимается снова, и вы вдруг узнаете, вы слышите, вы видите на своих экранах, что на Чукотке происходит что-то неслыханное. Сверкает электричество, шумят города, мчатся электрички, режут потоки машин, колышутся злаки, гремят симфонические оркестры, печатают шаг дивизии и, сотрясая асфальт, ползут по площади атомные ракеты. Вы подозреваете, что вас обманывают. Вы твердо знаете, что тогда, в поезде, чудаков были считанные десятки. Но вам кладут на стол книгу и говорят: «Вот. Эта книга рассказывает о том, что произошло с теми чудаками. Они выжили, они добились. Из этой книги вы все узнаете». Вы заинтересованы. Вы открываете книгу, читаете, перелистываете. И тут происходит самое неприятное — не только для вас, но и для самой книги: вам — непонятно. Герои отделены от вас иначе прожитой жизнью, они богаты иным жизненным опытом. У них иные реалии и иные мифы. Свидание — почти через сто лет — состоялось, но встретившиеся уже не понимают друг друга.

Вам непонятно, что это у них там за «Движение» такое, о котором они столько раз упоминают? Какие «идеологические страсти» терзают их и разводят по разные стороны баррикад? Что это за страна, где бродят гиены, люди зачем-то годами тайком собирают оружие в отстойных ямах и дети в четыре года читают доклады на каких-то партийных конференциях? Кто они такие, все эти их «пионеры», «мошавники», «стражи», «харедим», «предатели-капиталисты», «Вторая алия», «Третья алия», «ашкеназим», «марокканцы»? Вы напрягаетесь понять, вы вызываете к автору, но увы — автор вам не помогает, кажется, даже не хочет помочь, он, похоже, немного посме-

ивается над вашими заботами, потому что у него свои заботы, своя, писательская, игра — раскладывать на плоскости книжного листа яркие, многоцветные осколки судеб, вырванные из потока времени и перетасованные в самом причудливом порядке. Рассказчику не до вас и не до нас, он играет временем и судьбами, творит из них калейдоскоп затейливого сюжета, над кем-то смеется, на что-то намекает, вы чувствуете, что смеется, вы ощущаете, что намекает, а еще и волнуется, и впадает в пафос, и выпадает в иронию, но вам невнятен его пафос и его ирония, вы злитесь, вам непонятно все — начиная с самого заглавия книги. «Русский роман». Почему «Русский роман»? Чем он «русский»? О ком и о чем эта книга?

Это название — наверно, самое вызывающее в романе. Не случайно в России вокруг этой книги Шалева сложилась уже своя мифология: о ней без конца писали, как о уже переведенной, в крайнем случае — как о хорошо известной русскому читателю, а она только еще ждала своего дня, чтобы к нему прийти. В самом деле, раз «Русский роман» — значит, о русских, значит — для русских, и тем более обидно, когда оказывается, что вроде как бы и не про них и как бы не для них.

Между тем здесь всего лишь — вариация известного социологического парадокса: наибольшее непонимание порождают именно небольшие отличия. Герои книги, хоть они и евреи, но — евреи русские, и этим все сказано: и о книге, и о ее названии. Они выросли из того же единого ствола — того же нетерпеливого, жадного утопического ожидания, которое когда-то породило русскую революцию и привело в нее множество молодых русских евреев. Но герои этой книги — это та часть русского еврейства, которая решила привить свои утопические ожидания не на русскую землю, а на дичок собственной земли. Тем не менее воодушевляли их те же идеи «свободы, равенства и братства», разве что усложненные многовековым еврейским мессианством да историческими, библейскими воспоминаниями. Даже

их «религия труда» и «мистика почвы» — и те очевиднейшим образом выросли из русского народничества и толстовства. Стоит ли упоминать еще о душевном максимализме или, скажем, о крестьянской жизненной цепкости? И без того очевидно, что «Русский роман» — это русский роман вдвойне: не только о русских евреях, но и о русских идеях. Хотя можно и наоборот: о еврейской идее — на русский лад. Ибо, как известно многим (а неизвестно еще большему числу), тот сионизм, которому обязаны своим возрождением земля Израиля и Государство Израиль, ни в коем случае не был «сионизмом вообще» или «сионизмом по Герцлю» — это был именно и прежде всего «русский» вариант сионизма. Начиная уже с того, что именно молодые сионисты из России, все эти Вейцманы и Жаботинские, они и только они отвергли, вопреки Герцлю, идею еврейского государства в Уганде в пользу еврейского государства в Палестине, и кончая тем, что именно эти молодые сионисты из России своим потом и кровью, за каких-нибудь полвека, превратили эту Палестину из малярийных болот и безжизненной пустыни в...

Во что же? Вы уже заинтересованы. Как реализовалась революционная утопия на русской земле, вы знаете. Весь ее путь, от октября 1917-го до сегодняшней России, вам известен. А как она же, эта утопия, реализовалась на земле еврейской?

Именно об этом — «Русский роман», книга, при всей ее общечеловеческой проникновенности и мощи, глубоко погруженная в историю, вросшая в нее корнями своих дикий акаций и могучих олив.

Поэтому на самом деле, вопреки упомянутому выше социологическому парадоксу, русскому читателю — именно ему — понять «Русский роман» легче, чем французу или американцу. Ибо в основном и сущностном это — о «своем», непонятны на самом деле только конкретные реалии. Что-то вроде знакомой пьесы на не вполне знакомом языке. Необходимо лишь небольшое либретто, что-то вроде предисловия или вступления,

которое объяснило бы эти реалии и напомнило «правила чтения» на этом чужом языке.

Такое вступление могло бы начинаться так. Иврит — очень «плотный» язык. Он не знает гласных, он их пропускает. Он пишет: «гбн» — и это может быть «гибен», т.е. горбун, или «габан», т.е. сыровар. Прочтение слова предполагает предшествующее знание, оно требует напряженного внимания, догадки и работы мысли. Библия — очень «плотная» книга. Ее огромная художественная мощь — в ее высшей сдержанности, в пропуске деталей. Она говорит: «И служил Иаков за Рахиль семь лет, и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее» — и предоставляет нам заполнить эти долгие, мучительные годы своим воображением, своим знанием жизни. Такое заполнение потребовало от Томаса Манна двух томов «Иосифа и его братьев», и только тогда его машинистка счастливо вздохнула: «Теперь я знаю, как это было на самом деле». «Русский роман» написан в библейской манере. Это по-библейски «плотный» роман. В отличие от истинно русского романа, он последовательно опускает многие психологические мотивировки. Но он их предполагает. Он говорит, что над могилой отца стоят «плачущий сын и разгневанная дочь» — и предлагает вдуматься: почему сын — плачет, а дочь — разгневана? Живая вода читательского воображения и знания жизни призвана заполнить поры этого романа-губки. Это глубоко психологическая проза именно потому, что ее психологизм укрыт глубоко «между словами». Точно так же «плотна» в этом романе историческая ткань. Она предполагает и требует читательского участия. Учитель Пинес защищает деревню не только от колорадских жучков, но и от государственной лотереи, от полчищ саранчи, как от полчищ джазменов. Почему лотерея и жучок, саранча и джаз поставлены в один ряд? Мотивировки опущены, пропуск требуется заполнить, и это предполагает предшествующее знание.

Израильский читатель книги Шалева впитывает это знание с молоком матери и из воздуха страны, в школе,

из книг и «по жизни». Русскому читателю нужно напомнить. Постараемся сделать это предельно кратко. Напомним читателю, что основная масса древних евреев покинула свою страну около двух тысяч лет назад, после двух нашествий римских армий. С тех пор евреи жили в рассеянии, поддерживаемые мечтой о возвращении на историческую родину. Вернуться решались немногие. Все эти века Палестина оставалась под чужим господством — римским, греческим, арабским, византийским, турецким. Еврейское ее население начало заметно возрастать только в конце 19 века. К 1881 году оно насчитывало всего 25 тысяч человек. Основную его часть составляли нищие религиозные семьи Иерусалима, Тверии, Цфата, жившие благодаря милостыне зарубежного еврейства. Ситуация изменилась с началом еврейских погромов в России: в 1882 году большие группы русских евреев ушли от этих погромов в Палестину, совершили, как это называется в еврейской традиции, «восхождение в Сион», «алию», как это называется на иврите (в Сион всегда восходят, в Египет и прочий окружающий мир всегда спускаются, потому что гористая Иудея всегда лежала выше низменностей Египта). Эта «первая» по счету алия продолжалась до 1903 года и привела в Страну свыше десяти тысяч человек. Часть из них располагала небольшими собственными средствами и купила землю у арабов, остальные создали свои поселения на деньги Эдмона Ротшильда, знаменитого «Барона» — выдающегося филантропа, который в течение шестнадцати лет вложил в свои палестинские колонии 1,6 млн фунтов стерлингов. За это время были созданы такие поселения (нынешние израильские города), как Ришон-ле-Цион, Петах-Тиква, Зихрон-Яков, Реховот, Хедера. Тогда это были небольшие сельскохозяйственные поселки, и появлялись они на свет поистине в родовых муках: достаточно сказать, что за первые двадцать лет из пятисот сорока жителей Хедеры умерли от малярии двести четырнадцать. Тем не менее к на-

чалу 20 века жители двадцати этих поселков, называвшихся «новым ишувом», составляли уже 20% всего еврейского населения Палестины. И костяк их составляли люди, жившие не на милостыню, как в ишуве «старом», иерусалимском и цфатском, а трудом собственных рук. Впрочем, хотя все эти люди Первой алии были в основном русские евреи, «Русский роман» начался не с них.

Он начался с легендарной Второй алии. Ее привели в Палестину идеи сионизма, сознательное стремление совершить революцию в истории еврейского народа, возродить землю исторической родины и создать на ней свободное общество тружеников земли. Пришпорили эту утопию новые погромы в России, начавшиеся в 1903 году. Тогда впервые еврейская молодежь организовала отряды самообороны, и многие бойцы этих отрядов вскоре оказались в Палестине. Но были там и начитанные мальчики в очках, и девочки в пелеринах — бросившие родительские семьи, уехавшие за мечтой, в страшных снах не представлявшие, какие трудности ждут их на земле предков. Сочетание утопического воодушевления и подвижнической активности сплотило всех этих разных людей в группу единомышленников, придало этой алии ее уникальный характер и наложило сильнейший отпечаток на всю дальнейшую жизнь ишува в течение нескольких десятилетий.

Вторая алия, продолжавшаяся до 1914 года, привела в страну свыше 30 тысяч человек. Вот как описывает этих молодых людей лучший хроникер еврейского возрождения Феликс Кандель в своей книге «Земля под ногами»: «Молодежь из Второй алии была в основном далека от религии... Право еврейского народа на эту землю они обосновывали... не Божественным обещанием; свое право они связывали лишь с трудом: землю завоеует тот, кто ее обрабатывает. Эти идеалисты и бессребреники, бунтари и ниспровергатели в заношенной рваной одежде выделялись на фоне благополучных старожилов». Многие из них вдохновлялись идеями своего «учи-

теля жизни», толстовца Гордона, его «религией труда»: «Мы сможем создать народ лишь тогда, когда каждый из нас воссоздаст себя заново путем труда и естественной жизни. Если воссоздание и не будет для нас полным, то по этому пути пойдут... наши дети... Таким образом у нас будут со временем хорошие крестьяне, хорошие рабочие, хорошие евреи и хорошие люди». Идеи Гордона стали основой, на которой возникла одна из первых на этой земле политических партий — «а-Поэль а-Цаир» — «Молодой рабочий». Она не была единственной. Молодые еврейские утописты другого толка, вдохновлявшиеся идеалом Борохова и Сыркина — слить сионизм с социализмом и марксизмом, построить в Сионе еврейское социалистическое государство «на основе справедливости, государственного планирования и общественной солидарности» — создали еврейскую социал-демократическую рабочую партию, «Поалей Цион». Яростные идеологические споры о практических путях и дальних целях «практического сионизма», начавшиеся еще в России, возобновлялись в первые же дни по прибытии в Страну и продолжались потом годами и десятилетиями, пока эти партии не слились в единое Рабочее движение, естественным образом ставшее почти монопольным правителем ишува. Как полагается монопольному правителю — со своими канцеляриями, коридорами власти, конгрессами и бюрократами. Со своими мифами о героическом прошлом, громкими словами о сионизме и неизбежным «обуржуазиванием» (слава Богу — не большевизмом). Но все это произошло потом...

А поначалу из этих парней и девушек долго не получались «хорошие крестьяне» и «хорошие рабочие». Сначала им пришлось искать работу — у своих же единоплеменников, на виноградниках, на пастбищах и в винодельнях поселенцев первой алии, уже немного к тому времени обжившихся. «Каждое утро, — продолжает Кандель, — молодые люди, вчера только приехавшие из России, выходили на площадь в центре поселка... в поис-

ках работы, а хозяева прохаживались от одного к другому и решали, кого из них взять... У (молодого) еврейского рабочего не было ничего: его заработка хватало лишь на убогое жилье и скудную еду... если он заболел, то был обречен на голод». А вот из воспоминаний Бен-Гуриона, одного из этих же молодых: «Я голодал и мучился от малярии больше, чем работал». Те, кто не мог ужиться с ишувом Первой алии, уходили в свободный поиск. Проще говоря — на еще необжитые земли. Эти земли скупались у богатых арабских землевладельцев сначала легендарным Ханкиным, потом Палестинским бюро для приобретения и освоения новых земель под руководством Руппина. Так происходило еврейское заселение севера страны, ее внутренних земель — Галилеи, Изреэльской долины, побережья озера Киннерет. Туда и добраться-то было не так просто. Как писал современник, «поездов туда не было, в Галилею «поднимались» кто пешком, а кто на лошадях». Малярийные болота, почище хедерских, иссохшая земля, сорняки и колючки, враждебные арабские деревни, голые, выжженные на солнце горы, неподвижный воздух — места вокруг Киннерета лежали на двести метров ниже уровня моря, температура летом достигала тридцати и больше градусов в тени. А потом, уже на возделанном месте — жара, и лихорадка, и теснота в жилищах, и тяжкий ежедневный многочасовой труд, и смерти, смерти, одна за другой, кто от малярии, кто от пули, — и как писал другой из этих молодых пионеров-первопроходцев: «Несмотря на чарующую тишь Киннерета, не было покоя на душе его обитателей. Изнеможение и тоска делались по временам нестерпимы. Кладбище, притаившееся на склоне холма... свидетельствует о покончивших самоубийством».

Одни уходили из жизни, другие — в города, на побережье, третьи вообще покидали Страну (по свидетельству Бен-Гуриона, их десяти приехавших с ним человек девять отчаялись и бежали из Палестины), но те, кто остался, — строили. Строили хижины, потом коровни-

ки, потом дома, потом целые поселки. Именно здесь, на берегах Киннерета и в Изреэльской долине, возникли новые, неведомые доселе миру формы еврейской коммунальной жизни — кибуц Дгания (1909), «мать израильских кибуцев», с их коллективным трудом и владением средствами производства, и мошав Нахалаль (1921) с его семейной структурой ведения хозяйства и коллективной общественной жизнью. Здесь зародилась и легендарная еврейская организация самообороны «а-Шомер», т.е. «Страж», объединявшая десятки молодых «дозорных», тайком собиравших оружие, чтобы защитить хрупкие ростки этих кибуцев и мошавов от арабских нападений, порой ценой собственной жизни. Отсюда вышла социальная и идеологическая элита будущего Израиля и его будущее политическое руководство — генералы, премьеры, президенты. А главное — здесь, в этих кибуцах и мошавах, так верили их строители, «выковывался новый еврей» — ибо эти строители, как и другие «строители будущего», в тогдашней России, искренне верили, что создадут «нового человека на новой земле», и ждали этих своих «первенцев», и возлагали на них фантастические надежды: понесут знамя... продолжат дело... воплотят мечту...

Их дети и внуки действительно выросли «новыми», другими, о них тоже рассказано в романе. Лучше или хуже дедов и отцов — об этом можно спорить, но — другими. Меир Шалев — лучший тому пример. Он один из «внуков Нахалала». И он другой, потому что никто из «дедов» и «отцов» не мог бы написать «Русский роман» — для этого нужна была печальная и насмешливая перспектива десятилетий; но и никто из тех, кто не прошел через «русский» Нахалаль или «русскую» Дганию, тоже не мог бы написать эту поразительную, мудрую и трогательную книгу.

Теперь можете ее раскрыть.

*Р. Нудельман,
2006*

1

В одну из летних ночей старый учитель Яков Пинес проснулся в холодном поту. Кто-то снаружи выкрикнул изо всей силы:

— Я трахнул внучку Либерзона!

Крик — отчетливый, дерзкий и громкий — провалился сквозь кроны канарских сосен у водонапорной башни, на мгновение распластался в воздухе, точно хищная птица, и упал на деревню, на лету рассыпавшись на отдельные слова. Сердце учителя стиснула знакомая боль. Опять он один услышал эту непристойность.

Многие годы Яков Пинес героически затыкал каждую щель, неустанно латал каждую прореху, отважно вставал в каждом проломе. «Как тот голландский мальчик, с пальцем в плотине!» — гордо восклицал он, отразив очередную угрозу. Колорадские жуки, тиражи государственной лотереи, коровьи клещи, малярийные анофелесы, полчища саранчи и джазменов — все они накатывались на него черными волнами и все разбивались в мутную пену о бруствер его сердца.

Пинес приподнялся на постели и вытер вспотевшие руки о мохнатую грудь. Гнев и изумление переполняли его. Тут совершалось открытое попрание

всех основ общественного порядка, а жизнь в деревне шла себе своим чередом как ни в чем не бывало.

Деревня, как говаривали у нас в Долине¹, давно уже спала праведным сном². Спали дойные коровы в своих стойлах, спали куры-несушки в своих курятниках, спали труженики-идеалисты в своих жестких кроватях. Но точно старая машина, части которой давно притерлись друг к другу, деревенская жизнь и во сне продолжала свою рутину. Набухали молоком коровьи соски, наливались соком виноградные гроздья, набрякали первосортным мясом плечи обреченных на забой бычков. Прилежные бактерии, «наши одноклеточные друзья», как любовно именовал их на уроках природоведения Пинес, привычно хлопотали у корней растений, поставляя им молекулы азота. Но старый воспитатель, хоть и был человеком мягким и терпеливым, не мог допустить, чтобы в такую минуту люди — и сам он, конечно, в первый черед, — мирно почивали на лаврах своих трудовых свершений. «Все равно я тебя поймаю, мерзавец!» — яростно шепнул он, тяжело вставая с железной кровати. Дрожащими руками застегнул старые брюки цвета хаки, сунул ноги в черные рабочие ботинки, придававшие прочность его лодыжкам, и вышел, готовый к ночному сражению. Только очки он не сумел отыскать в темноте и спешке и теперь угадывал дорогу по лунному свету, который слоями лился в дверные щели.

За порогом нога учителя тотчас зацепилась за бугор, коварно взрытый кротом, который давно уже вел в его дворе свою подрывную работу. Пинес торопливо поднялся, отряхнул колени, выкрикнул: «Кто тут? Кто тут?» — и напряженно прислушался в ожидании ответа. Близорукие глаза так и буравили тьму ночную, седая и большая, как у совы, голова повора-

чивалась во все стороны, словно вращалась на невидимой оси.

Но наглый возглас больше не повторился. «Как всегда, — подумал старый учитель. — Крикнет что есть силы — и замолчит».

Душу Пинеса точила тревога. Возмутительный выкрик свидетельствовал об опасном идеологическом уклоне. Налицо была погоня за дешевыми наслаждениями, а также предпочтение личных благ интересам коллектива. Речь шла о явном и вызывающем нарушении деревенского устава. Старому учителю, «воспитавшему всех наших детей в духе неустанного труда и высоких идеалов», невольно вспомнились и Великое Шоколадное Ограбление, когда-то совершенное в деревенском кооперативе группой его взрослых учеников, и прибывший из России огромный, громыхающий сундук Ривы Маргулис, набитый всевозможными излишествами, которые смутили покой мирных тружеников полей и едва не пошатнули их моральные устои, а главное — сатанинский смех той гнусной гиены, что с недавних пор зачастила в наши края. Тот же вред и то же бахвальство.

Вспомнив о гиене, да еще без очков на носу и практически ничего вокруг не различая, Пинес почувствовал, что тревога его переходит в настоящий испуг. И в страхе застыл.

Эта мерзкая хищница время от времени навевалась в деревни Долины, точно коварный посланец тех других миров, что лежали за пшеничными полями и далекой голубой горой. За годы, прошедшие с основания мошава³, учитель не раз слышал ее отчетливый, резкий и насмешливый вопль, доносившийся из соседнего вадя⁴, и всякий раз холодел от испуга.

Укус гиены вызывал тяжелейшие последствия. У некоторых ее жертв так мутился рассудок, что они

забывали азы земледелия — пеницилляррию⁵ сеяли с осени, а виноградные лозы подрезали летом. Другие совсем теряли разум — забрасывали свои наделы, а то и вовсе отказывались работать на земле, срывались в город, умирали или покидали Страну⁶. Пинес был вне себя от волнения. Ему уже доводилось видеть людей, сбившихся с правильного пути, — согбенные, крадущиеся тени дезертиров в Яффской гавани, ссохшиеся тела самоубийц в их могилах. Извращенцев и отступников он тоже выдвигал немало. «Все эти присосавшиеся к халуке⁷ паразиты из Иерусалима, эти мистики из Цфата⁸ с их апокалиптическими расчетами прихода Мессии и эти наивные коммунисты, что поклонялись Ленину и Мичурину и развалили Рабочий батальон⁹». Годы наблюдений и размышлений убедили его, что ничего нет легче, чем свалить с ног человека, который потерял иммунитет и идейную стойкость.

«Она особенно настойчиво охотится за детьми, эта гиена, потому что детское мировоззрение еще не вполне сформировалось», — предостерег он родителей, когда следы наглой твари появились вблизи домов мошава, и потребовал немедленно установить охрану вокруг деревенской школы. По ночам он стал присоединяться к молодым парням, своим бывшим питомцам, когда те с оружием в руках выходили в поле в поисках коварного искуителя. Но гиена была изворотлива и хитра.

«Как всякий известный науке вредитель», — заметил Пинес на одном из общих собраний коллектива.

Как-то раз, выйдя ночью охотиться на землерок и древесных лягушек для школьного живого уголка, он внезапно увидел своего заклятого врага. Гиена пересекала поле по другую сторону оврага и шла ему навстречу широким хищным шагом, пожиравшим пространство. Пинес застыл на месте, а гиена